

ЭТНОТЕРМИНЫ КАК СПОСОБ КАТЕГОРИЗАЦИИ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

В статье рассматривается функционирование этнонимов в научном дискурсе на примере научных текстов пермских ученых. Автор дает определение этнотерминов, выделяет три степени терминологизации этнонаименований, выстраивает терминологическое поле «этничность» и делает выводы о том, что этнотермины выполняют ориентирующую функцию, т.е. функцию ориентации в когнитивно-коммуникативном пространстве.

Ключевые слова: дискурс, этнонимы, этничность, терминологическое поле.

Научный дискурс, как известно, характеризуется «стремлением к объективированности, опорой на научное знание и научную информацию» [6, с. 71].

Пермская школа функциональной стилистики считает одной из актуальных задач исследования научного текста определение «закономерностей формирования и выражения нового знания в целом научном произведении». При этом «закономерности процесса вербализации нового знания рассматриваются в рамках данной теории как отражение в речевой структуре комплекса экстралингвистических факторов, участвующих в этом процессе» [3, с. 73].

Актуальна проблема вербализации новых знаний и при исследовании категории этничности, поскольку постижение образов чужой культуры ведется через поиск различий в образах своей и чужой культур, что ведет к выработке нового знания.

Этнонимы научного дискурса, являясь средством вербализации категории этничности, относятся к терминологической лексике. Под этнотермином мы понимаем слово или составное наименование (например, *русские люди*) научной сферы использования, являющееся обозначением этноса и вступающее в системные отношения с другими подобными словами и словосочетаниями, функционирующими на правах терминов в этой сфере [15].

В отличие от специальных терминов науки и техники, объем знания которых доступен только человеку, обладающему соответствующими научными и техническими знаниями, названная терминология в большинстве своем понятна многим носителям языка. «Роль коммуникатора, «переводчика» с языка научной теории, знакомого узкому кругу профессионалов, на язык обыденного сознания, в об-

ласть ментальности, играет научная картина мира» [2, с. 14].

Получается, что соотношение лексем «этноним» и «этнотермин» можно определить следующим образом: этноним – это более широкое понятие, обозначающее название этноса, функционирующее в любом типе текстов (разговорной речи, деловых документах, художественных произведениях, публицистике) и «доступное» всем носителям языка, этнотермин – более узкое понятие, обозначающее этнонимы, функционирующие в научном стиле и имеющие строго определенное содержание, которое используется преимущественно учеными.

Настоящая статья построена на материале пермского научного дискурса, т.е. научных описаний историков и этнографов XIX – XX вв. (В.Н. Шишонко, В.А. Оборина, Г.Н. Чагина, А.В. Черных и др.). Для анализа были использованы статьи, в которых активно функционируют этнонимы (названия народов) и образованные от них лексические единицы (всего исследовано около 20 монографий и 50 отдельных научных статей). Обращение к пермскому материалу продиктовано тем, что автор статьи родился и долгое время жил в данном регионе. В результате анализа выделено больше 100 этнотерминов, функционирующих в названных текстах.

Необходимо отметить, что в работах исследователей XIX в. описаны этносы, населяющие Пермскую губернию, авторы же научных описаний XX в. ведут речь о народах, населяющих Прикамье, т.е. современный Пермский край. Границы данных территориальных образований не совпадают, поэтому этнонимикон научных текстов также изменяется. Таким образом, важное свойство этнонимикона – его историческая изменчивость. Миграции народов, приток населения из других регионов приводят к

тому, что меняется состав этнических имен, не говоря уже о таких лингвистических процессах, как замена «старых» этнонимов «новыми» в начале XX в.

При описании любой терминологии неизбежно встает вопрос о терминологизации тех или иных наименований. Под терминологизацией этнонаименований понимается процесс закрепления за ними специального, четко определенного содержания, совершающийся в сфере функционирования естественной терминологии и заканчивающийся в сфере фиксации.

Л.А. Шкатова и Е.И. Голованова [1] выделяют три ступени терминологизации наименований лиц: низкая — у общеупотребительных, неспециальных слов, средняя — у «бытующих» терминов, не имеющих строго определенного содержания и высокая — у официально принятых кодифицированных знаков строго определенного содержания.

Этнонимы, на наш взгляд, также имеют три ступени терминологизации. К низкому уровню относятся наименования, представленные и в терминосистемах, и в общелитературном языке, и в речи диалектоносителей (*татарин, русский, пермяк* и т.д.). В языковом сознании народа за ними закреплена определенная совокупность ассоциаций, выявляемая как через анализ устойчивых сочетаний и стереотипов, так и через проведение ассоциативных экспериментов.

К среднему уровню терминологизации относятся этнонаименования более высокой степени абстракции (*славяне, финно-угры, тюрки* и т.д.). Такие наименования широко используются в научном дискурсе, но малоупотребительны в живой речи и художественных текстах.

Наконец, высокой степенью терминологизации отличаются этнонаименования, носящие узкоспециальный характер. Научная речь является не только сферой их функционирования, но и сферой их возникновения (*юрлинцы* — этническая группа русских и т.д.).

При отнесении конкретного этнического имени к тому или иному уровню могут возникать вопросы, поскольку четких границ между ними не существует. Однако основанием для подобного деления может служить, на наш взгляд, наличие той или иной единицы в определенном типе текстов. Если лексема не представлена в живой речи (в частности, в речи диа-

лектоносителей), она не может иметь низкую степень терминологизации.

Изучать некоторую систему терминов логично, считают лингвисты, представив ее в виде терминологического поля [5: 89]. Современные авторы определяют терминополь как «систему научно-технических значений-понятий, организованную по парадигматическому принципу в виде семантической сети» [12, с. 5], как «унифицированную по системному основанию классификационную структуру, объединяющую термины одной профессиональной деятельности» [7, с. 92].

Очевидно, что исследуемая нами лексика, функционирующая в научном дискурсе, образует терминологическое поле «этничность». Единицы данного поля характеризуются концептуальной общностью, а также отличаются следующими особенностями: 1) системностью; 2) наличием дефиниции; 3) тенденцией к моносемантности (А.А. Реформатский отмечал, что «в своем терминологическом поле термин-слово обретает точность и однозначность» [14, с. 103]); 4) отсутствием экспрессии в рамках научного дискурса; 5) стилистической нейтральностью.

Терминологическое поле «этничность», образованное этнотерминами, функционирующими в научных текстах пермских ученых, представляет собой совокупность лексических и фразеологических единиц, объединенных общим семантическим компонентом — «этнический».

Внутри рассматриваемого терминополья все единицы связаны иерархическими отношениями — выделяются субполя и микрополя, объединенные семантически. Примеры субполей: *финно-угры, тюрки* и т.д.: «Русские сталкивались как с давно живущими на уральских землях *финно-уграми* — коми-пермяками, манси и *тюрками* — башкирами и татарами, так и другими народами, переселившимися одновременно с ними из Волго-Камья — удмуртами, марийцами, казанскими татарами» [18, с. 81].

На следующей ступени иерархии возникают микрополя первого уровня: в субполе *славяне* — микрополя *русские, украинцы, белорусы* и т.д. Далее в пределах микрополей первого уровня выделяются микрополя второго уровня, например, в микрополе *русские* — *старообрядцы, юрлинцы* и т.д.

Основу исследуемого терминополья составляют языковые единицы, образующие микро-

поля первого уровня. Они отличаются низким уровнем терминологизации и известны всем носителям языка. Единицы субполей, по нашим наблюдениям, отличаются средним уровнем терминологизации; высоким же уровнем обладают этнотермины, входящие в микрополя второго и третьего уровней.

Рассмотрим основные субполя и микрополя, их образующие.

I. В субполе *финно-угры* входят микрополя:

1) *Коми-зыряне*. В научном дискурсе XIX в. функционировали этнотермины зыряне, зырянцы: «Впрочем, зыряне утверждают, что идолы эти не зырянские, а вогулические» [23, 1: 5]; «Да из живущих там же зырянцев несколько знающих проводников» [23, 1: 79]. Ученые XX в. используют официальное этнонаименование коми-зыряне: «Переселение коми-зырян с XIV в. вместе с расселением русских поселенцев» [8, с. 59].

2) *Коми-пермяки*. В научных описаниях XIX в. используется лексема пермяки: «Болгары, Персы, Индейцы и другие вместе с древними Пермяками путешествовали водным сообщением из Каспийского моря в северной Океан» [13, с. 102]. Исследователи XX в. употребляют в основном термин коми-пермяки: «В Верхнем Прикамье от Чусового на севере до р. Чусовой на юге по Каме и ее притокам жили предки коми-пермяков» [8, с. 46].

Микрополя второго уровня, входящие в микрополе первого уровня *коми-пермяки*:

– *иньвенские* (синоним – *южные*) *коми-пермяки*: «Южные, или иньвенские, коми-пермяки – наиболее многочисленная этнографическая группа коми-пермяков, что позволяет считать ее основным ядром коми-пермяцкого этноса» [22, с. 74];

– *косинско-камские* (синоним – *северные*) *коми-пермяки*: «На территории современного Коми-Пермяцкого округа выделяют две основные этнографические группы – северные, или косинско-камские, и южные, или иньвенские, коми-пермяки» [22, с. 74].

Внутри данных микрополей возможна дальнейшая иерархия. Так, в микрополе второго уровня *северные коми-пермяки* входят следующие микрополя третьего уровня:

– *лупьинские коми-пермяки*: «Среди северных коми-пермяков особым своеобразием выделяется население р. Лупья – лупьинские коми-пермяки, в этнокультурном отношении

имеющие черты, сближающие их с коми-зырянами» [22, с. 75];

– *кочевские коми-пермяки*: «Культурно-бытовые и языковые особенности выделяют и население Кочевского района, кочевских коми-пермяков, из основного массива северной группы» [22, с. 75].

3) *Коми-язьвинцы*. В силу малоисследованности указанного этноса данный этнотермин находится в стадии своего становления. Ученые называют эту группу народа *коми-язьвинцы*, *язьвинские пермяки*, *коми-язьвинские пермяки*: «Существуют различные мнения по поводу этнического статуса коми-язьвинцев» [18, с. 113]; «Путем опроса старожилов и наблюдения за лексикой речи установлено, что на родном языке свободно говорит около 2 тыс. язьвинских пермяков» [18, с. 11].

Основой самоидентификации данного народа, по наблюдениям этнографов, являются: оппозиция «свое – чужое», реализуемая в языке; принадлежность большей части населения к старообрядчеству; территориальный признак [18, с. 115].

4) *Манси*. В научном дискурсе XIX в. использовались термины *вогулы*, *вогуличи*: «Около Денешкина камня, имеющего с речной стороны 200 сажен вышины, а с другой по отлогости 3 версты, а так названного от живших прежде около его Вогул Денешкиных» [13, с. 7]; «Сравнивая сии начертания с тамгами, употребляемыми и ныне обитающими в здешней губернии иноязычными народами, тотчас можно видеть сходство с ними... либо Татарами либо Вогуличами» [13, с. 19]. В современных научных описаниях этнотермин *вогулы* уходит на второй план, уступая ведущую роль термину *манси*: «Манси, как и русские, селились по берегам рек» [16, с. 314].

5) *Марийцы*. Формы этнонаименований *черемисы*, *черемиссы*, а также собирательное *черемиса* использовались авторами научных произведений XIX в.: «Бисертской завод построен на купленной еще дедом его г. Действительным Статским Советником Акинфием Никитичем у ясашных Татар и Черемис в 1741 году земле» [13, с. 327]; «А равно и черемиссы, живущие в тех же местах, те пустоши называют своими вотчинами» [23, 3: 154]; «Грамотою сего 1572 года, августа 6, Якову и Григорью Строгановым повелевалось посылать ратных людей для приведения в покорность черемисы и других сибир-

ских инородцев, производивших грабежи по реке Каме» [23, 2: 65]. Современные ученые употребляют для обозначения представителей данной национальности термины *марийцы*, *мари*: «В Октябрьском районе зафиксировано марийцев всего 0,5 тыс. человек» [4, с. 30]; «Русское население... установило в основном мирные отношения с удмуртами и мари» [18, с. 66].

Внутри микрополя первого уровня *марийцы* выделяется микрополе второго уровня *сылвенские марийцы*: «Основными факторами этнической консолидации марийцев Южного Прикамья – сылвенских марийцев – также явились компактное расселение, активное проявление этнического самосознания, приверженность язычеству» [20, с. 82].

6) *Мордва*: «Татары, Башкиры, Мордва, Черемисы, Чуваши взяли Кунгур» [23, 3: 673].

7) *Удмурты*. В научном дискурсе XIX в. функционирует форма *вотяки*: «Хлеб закупается для них в окрестных селениях у Русских крестьян, Татар, Башкирцов, Вотяков и Черемис» [13, с. 337]. В работах исследователей XX в. ведущую роль играет этнотермин *удмурты*: «В последнее время обнаружены и памятники южных удмуртов» [8, с. 45].

В микрополе первого уровня *удмурты* входит микрополе второго уровня *буйские удмурты*: «Почти все буйские удмурты в XIX – начале XX в. владели татарским языком, а с 20-х гг. XX в. стали осваивать русский» [20, с. 82].

8) *Ханты*: «Задолго до русских здесь жили манси, ханты, татары» [18, с. 83].

9) *Чудь*: «В русской повествовательной традиции чудь воспринимается населением, жившим в Пермском крае до русских, и конкретно – коми-пермяками» [10, с. 27].

10) *Эстонцы*: «Переселение белорусов, немцев и эстонцев в начале XX в. в Прикамье связано с проведением стольпинской аграрной реформы, когда в край направился поток переселенцев с западных губерний России» [24, с. 21].

II. Субполе *славяне* составляют следующие микрополя первого уровня:

1) *Белорусы*: «В этот период в крае появляются диаспоры евреев, поляков, немцев, эстонцев, белорусов, а также отдельные представители других народов» [24, с. 20].

2) *Русские*: «Татары и башкиры именовали русских края руслэр или уруслэр, выделяя особо среди них старообрядцев» [19, с. 37].

Внутри данного микрополя существуют микрополя второго уровня, в которые входят следующие этнотермины:

– *казаки*: «В исторических произведениях отражена эпоха Ивана Грозного, поход в Сибирь Ермака Тимофеевича, народные восстания под предводительством Степана Разина (разинщина) и Емельяна Пугачева (пугачевщина), подвиги казаков в борьбе с турками и крымскими татарами и др.» [17, с. 25];

– *старообрядцы (раскольники)*: «Старообрядцы представлены разными согласиями, из которых наиболее многочисленными являются часовенные, поморские и белокриницкие» [24, с. 13]; «На Колве и Верхней Печоре, населенных раскольниками, о былинах слышно плохо, и ничего я там, хотя и был, не записал, хотя утверждать, что там былин нет, не решусь» [9, с. 19].

В микрополе второго уровня *старообрядцы* входят микрополя третьего уровня: *старообрядцы поморского согласия, старообрядцы-поповцы белокриницкого согласия, старообрядцы беспоповского согласия* [22, с. 13].

3) *Поляки*: «Духовным центром поляков стал Пермский католический храм (костел), построенный в 1875 г.» [24, с. 21].

Микрополе первого уровня *поляки* содержит в своем составе микрополе второго уровня *пермские поляки*. При этом историк А. Гжибовский варьирует местоположение компонентов этнотермина, мотивируя данную языковую игру следующим образом: «Наверное, их можно называть поразному: кого-то – пермскими поляками, кого-то – польскими пермяками, в зависимости от того, кто сколько прожил на Пермской земле» [11, с. 3].

4) *Украинцы*: «Раскулачивание и репрессии 1930-х гг. привели к переселению в Прикамье большого числа украинцев и белорусов, а также представителей других народов» [24, с. 24].

III. Субполе *тюрки* образуют следующие микрополя первого уровня:

1) *Азербайджанцы*: «Значительные диаспоры составляли в Прикамье и другие народы: украинцы (45711; 1,5%), мордва (4450; 0,1%), азербайджанцы (3862; 0,1%)...» [24: 25].

2) *Башкиры*: «На уровне этнической самоидентификации татары и башкиры осознавали свою принадлежность к своим этносам» [17, с. 116].

3) *Татары*. В научном дискурсе XIX в. функционировали термины *татары, татара, тата-*

ре, татарове: «Бисертской завод построен на купленной еще дедом его г. Действительным Статским Советником Акинфием Никитичем у ясашных Татар и Черемис в 1741 году земле»; «Тогда приводится на продажу из разных селений немалое число лошадей; для закупки коих приезжают сюда Уфимского, Красноуфимского, Осинского и Кунгурского уездов Башкирцы и Татара» [13, с. 327, 285]; «В 1558 году, мы видим, что татаре из Сибири приехали» [23, 2: 61]; «И начали паки татарове возвращаться» [23, 1: 20]. В научном дискурсе XX в. используется в основном термин *татары*: «Нерусское население края в 1926 г. составляло 74010 человек (12,6%). Число татар выросло до 21130 (5,3%)...» [20, с. 73].

Примером микрополя второго уровня внутри микрополя первого уровня *татары* может служить микрополе *сылвенско-иренские татары*: «Общность этнической истории, особое групповое самосознание, своеобразный диалект татарского языка, особенности материальной и духовной культуры позволяют выделить сылвенско-иренских татар в особую этно-территориальную группу» [20, с. 82].

Как мы видим, этнотермины, образующие микрополя второго уровня, образуются достаточно часто по модели «оттопонимическое прилагательное + соответствующий этноним».

4) *Чуваши*: «Изучение этноисторических преданий и письменных источников позволяет также предположить участие в этногенезе сылвенско-иренских татар финно-угорских народов: марийцев, удмуртов, мордвы; а также чувашей, относящихся к тюркской группе» [24, с. 19].

Единицы субполей, как мы уже говорили, менее употребительны в научных текстах, чем этнотермины, образующие микрополя первого уровня. Зачастую процесс категоризации протекает таким образом, что в терминопole отсутствует соответствующее субполе, а представлены отдельные микрополя. Это связано с тем, что, например, такой народ, как *армяне*, образует особую группу индоевропейской языковой семьи. Актуальны в научных описаниях следующие этнотермины, образующие подобные микрополя:

1) *Армяне*: «Пермская область приняла в последнее десятилетие более 30 тыс. мигрантов, только за период с 1991 по 1996 гг. мигрировало 1,7 тыс. украинцев, 1,7 армян, 1,5 тыс. коми-пермяков, 0,9 татар, 0,5 башкир, 0,4 азербайджанцев» [24, с. 25].

2) *Евреи*: «Евреи появились в Прикамье в первой половине XIX в. Во второй половине XIX в. их насчитывалось здесь около 1005 человек, из них в г. Перми – 865. В 1881 г. в Перми открылась синагога. Следующий поток переселенцев приходится на время первой мировой войны. В 1920 г. евреев насчитывалось 3526 человек, в 1926 г. 76% из них назвали своим родным языком идиш; 35% евреев были грамотными на родном языке, работала начальная школа на идиш» [24, с. 20].

3) *Цыгане*: «Только в 1979 году цыгане кэлдэрарского табора рода рувони избрали Пермь для постоянного места жительства» [21, с. 15].

В данное субполе входят следующие микрополя первого уровня: *русские цыгане, крымские цыгане, котляры*: «Среди многочисленных этнографических групп цыган в Прикамье проживают представители трех групп: русские и крымские цыгане, а также кэлдэрары (котляры), так принято их называть в научной литературе, или молдавские цыгане, как они сами себя называют» [21, с. 3].

4) *Шведы*: «Пребывание шведов в Северном Прикамье остается фактом достаточно известным, но до сих пор не освещенным в литературе» [18, с. 279].

Вершиной иерархии в рассматриваемом поле являются, очевидно, термины *этнос, народ, нация* и образованные от них языковые единицы. Особенно актуально, по нашим наблюдениям, прилагательное *этнический*, которое маркирует самые разные аспекты научного знания об этносах: «С этих пор *этническое взаимодействие* народов пошло более интенсивно и во многих местах приобрело свои особенности» [18, с. 81]; «В *этнических взаимосвязях* русских и коми-пермяков к началу XVIII в. завершается процесс ассимиляции коми-пермяков» [18, с. 84]; «Удмурты, которые селились южнее Тулвы, в бассейне р. Буй (приток Камы), не поддались натиску башкир и татар и сохранились как *этническая группа* в составе так называемых закамских удмуртов» [18, с. 83]; «Существенным препятствием на пути заимствования этнических культур явилась религия» [18, с. 82]; «Сложившаяся картина *этнической мозаики* сохранилась в устойчивом виде до нашего времени» [18, с. 82]; «Русское *этническое окружение* влияло на смену *этнического самосознания*» [18, с. 114]; «Коми-пермяки хотя и приобрели многие

схожие с русскими культурно-бытовые черты..., но не утратили главных *этнических определителей* – языка, самосознания, психологии» [18, с. 87]; «*Этнические различия* в культуре русских и коми-пермяков выглядят достаточно сглаженными» [18, с. 87]; «На уральских землях русские адаптировались к новой экологической и этнической среде» [18, с. 84]; «Существуют разные мнения по поводу *этнического статуса* коми-язвинцев» [18, с. 113]; «Если в Верхнем Прикамье ассимиляционные процессы приводили к утрате коми-пермяцкого этноса и сокращению его этнической территории, то в Сылвенско-Иренском поречье этническое взаимодействие народов аналогичных результатов не имело» [18, с. 82].

Терминополье, представленное в работах ученых, исследующих определенный регион, безусловно, имеет свою специфику. В научных текстах особенно активно функционируют эт-

нонимы, называющие коренные народы, что ярко репрезентирует анализ микрополя первого порядка *коми-пермяки*, имеющего развернутый спектр микрополей второго и третьего уровней. Необходимо оговориться при этом, что мы рассматривали работы русскоязычных исследователей. С точки зрения коми-пермяцкого или татарского научного дискурса картина может выглядеть несколько иначе.

Поскольку термины составляют ядро языков для специальных целей, именно они, по наблюдениям лингвистов, служат главным средством концептуальной ориентации в когнитивно-коммуникативном пространстве, задают направление мыслительной деятельности специалистов [1, с. 17]. Ту же функцию выполняют и этнотермины. С помощью них мы ориентируемся в пространстве научных текстов, описывающих культуру разных этносов, в нашем случае – этносов, населяющих Прикамье.

15.09.2011

Список литературы:

1. Голованова, Е.И. Категория профессионального деятеля / Е.И. Голованова. – Челябинск, 2004.
2. Гураль, С.К. Мировоззрение, картина мира, язык: лингвистические аспекты соотношения / С.К. Гураль // Язык и культура. – 2008. – №1. – С. 14–21.
3. Данилевская, Н.В. Научный текст: динамический аспект нового знания / Н.В. Данилевская // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 9. – Пермь, 2005. – С. 73–79.
4. Лаллука, С. Некоторые наблюдения о сылвенских марийцах Пермской области / Сеппо Лаллука // Пермский край: прошлое и настоящее. – Пермь, 1997.
5. Лату, М.Н. Терминологическое поле «военная история» / М.Н. Лату // Мурзинские чтения: Динамика языка в синхронии и диахронии. – Пермь, 2002. – С. 89–91.
6. Лейчик, В.М. Дискурс и текст / В.М. Лейчик // Вопросы языка и литературы в современных исследованиях. Мат-лы научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XI Кирилло-Мефодиевские чтения». – М.–Ярославль: Ремдер, 2010. – С. 62–75.
7. Морозова, Л.А. Терминоведение: основы и методы / А.А. Морозова. – М.: Прометей, 2004. – С. 92.
8. Оборин, В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVIII века / В.А. Оборин. – Иркутск, 1990. – 168 с.
9. Ончуков, Н.Е. О расколе на низовой Печоре / Н.Е. Ончуков. – СПб., 1902.
10. Парма – земля чуди: правда и мифы / сост. Г.Н. Чагин, В.В. Климов, Л.П. Ратегова. – Кудымкар: Коми-пермяцкое книжное из-во, 2009. – 144 с.
11. Пермские поляки. – Пермь: Книжный мир, 2001. – 118 с.
12. Пиотровский, Р.Г. Термин – терминополье – терминсистема / Р.Г. Пиотровский, Х. Арзикулов, Е.М. Леонова, А.Н. Попеску, М.С. Хапсинская // Структурная и математическая лингвистика. – Киев, 1978. – №6. – С. 5–9.
13. Попов, Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии / Н.С. Попов. – Пермь, 1803.
14. Реформатский, А.А. Введение в языковедение / А.А. Реформатский. – М.: Аспект-пресс, 1996.
15. Сироткина, Т.А. Функционирование этнонимов в научном дискурсе / Т.А. Сироткина // Языки профессиональной коммуникации: сб. статей участников Четвертой междунар. науч. конф. – Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2009. – С. 242–244.
16. Чагин, Г.Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI – первой половине XX века / Г.Н. Чагин. – Пермь, 1995. – 186 с.
17. Чагин, Г.Н. История в памяти русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX века / Г.Н. Чагин. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1999. – 164 с.
18. Чагин, Г.Н. Этнос и культуры на стыке Европы и Азии / Г.Н. Чагин. – Пермь, 2002. – 384 с.
19. Черных, А.В. Русские и татары Прикамья: межэтническое взаимодействие / А.В. Черных // Живая старина. – 2001. – №2.
20. Черных, А.В. Традиционный календарь народов Прикамья в конце XIX – начале XX века / А.В. Черных. – Пермь, 2002. – 260 с.
21. Черных, А.В. Основные этапы этнической истории Прикамья в XVI – XX вв. / А.В. Черных // Этнический мир Прикамья. – Пермь, 2003. – С. 7–31.
22. Черных, А.В. Народы Пермского края. История и этнография / А.В. Черных. – Пермь: Изд-во «Пушка», 2007. – 296 с.
23. Шишонко, В.Н. Пермская летопись / В.Н. Шишонко. – Пермь, 1881–1884. – Периоды 1–5.
24. Этнический мир Прикамья. – Пермь, 2003. – 450 с.

Сведения об авторе: **Сироткина Татьяна Александровна**, доцент кафедры филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета, кандидат филологических наук, доцент
628417, г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2, e-mail: sirotkina71@mail.ru

UDC 808.2**Sirotkina T.A.**

Surgut state pedagogical university; sirotkina71@mail.ru

ETHNOTERMINS AS A WAY OF CATEGORIZING SCIENTIFIC KNOWLEDGE

This article discusses the functioning of ethnonyms in scientific discourse as an example of scientific texts by Perm scientists. The author defines ethnotermyms, distinguishes three degrees of terminologization of ethnonom- inations, builds a terminological field «ethnicity» and concludes that ethnotermyms perform orienting function, ie function of orientation in the cognitive-communicative space.

Key words: discourse, ethnonyms, ethnicity, terminological field.

References

1. Golovanova, E.I. Category of a professional worker / E.I. Golovanova. – Chelyabinsk, 2004.
2. Gural, S.K. Worldview, world image, language: linguistic aspects of the relations / S.K. Gural // Jazyk i kultura. – 2008. – №1. – P. 14–21.
3. Danilevskaya N.V. Scientific text: the dynamic aspect of the new knowledge // Stereotyping and creativity in the text: Scient. Proceedings. Vol. 9. – Perm, 2005. – P. 73–79.
4. Lalluka, S. Some observations on the Mari of the Sylva in Perm region / Seppo Lalluka // Perm Region: Past and Present. – Perm, 1997.
- 5) Latu, M.N. Terminological field of «military history» / M.N. Latu // L.N. Murzin Readings: The dynamics of language in synchrony and diachrony. – Perm, 2002. – P. 89–91.
- 3) Leychik, V.M. Discourse and text / V.M. Leychik // Issues of language and literature in modern research. Proceedings of scientific conference «Slavic culture: origins, traditions, and interaction. XI Cyril and Methodius Readings». – Moscow-Yaroslavl Remder, 2010. – P. 62–75.
7. Morozova, L.A. Terminology: principles and methods – M.: Prometey, 2004. – P. 92.
8. Oborin, V.A. The settlement and development of the Ural at the end of the eleventh – beginning of the eighteenth century / V.A. Oborin. – Irkutsk, 1990. – 168 p.
9. Onchukov, N.E. On a split in the Lower Pechora – St., 1902. – P. 19.
10. Parma – the land of wonder: Truth and myths / comp. G.N. Chagin, V.V. Klimov, L.P. Rategova. – Kudymkar: Komi-Permian publishing house, 2009. – 144 p.
11. Permian Poles. – Perm: Book World, 2001. – 118 p.
12. Piotrowski R.G., Arzikulov H., Leonova E.M., Popescu A.N., Hapsinskaya M.S. The term – terminological field – term system / Structural and mathematical linguistics. – Kyiv, 1978. – №6. – P. 5–9.
13. Popov, N.S. A business description of the Perm province / N.S. Popov. – Perm, 1803.
14. Reformatsky, A.A. Introduction to Linguistics / A.A. Reformatsky. – Moscow: Aspekt Press, 1996.
15. Sirotkina, T.A. Functioning of ethnonyms in scientific discourse / T.A. Sirotkina / Professional Communication Languages: Proceedings of the Fourth Intern. scientific. Conf. – Chelyabinsk LLC «Encyclopedia», 2009. – P. 242–244.
16. Chagin, G.N. Ethno-cultural history of the Middle Ural in the late sixteenth century – the first half of the twentieth century / G.N. Chagin. – Perm, 1995.
17. Chagin, G.N. History in the memory of the Russian peasants of the Middle Urals in the mid-nineteenth – early twentieth century – Perm: Perm Univ. Press, 1999. – 164 p.
18. Chagin, G.N. Ethnicity and culture at the crossroads of Europe and Asia. – Perm, 2002. – 384 p.
19. Chernykh, A.V. Russian and Tatar on the Kama: Inter-ethnic interaction / A.V. Chernykh // Zhivaja starina. – 2001. – №2.
20. Chernykh, A.V. The traditional calendar of the peoples of Perm in the late nineteenth – early twentieth century / A.V. Chernykh. – Perm, 2002. – 260 p.
21. Chernykh, A.V. The main stages of the ethnic history of Perm in the sixteenth century – the twentieth century / A.V. Chernykh // Ethnic Kama world. – Perm, 2003. – P. 7–31.
22. Chernykh, A.V. The peoples of the Perm region. History and ethnography – Perm: Pushka, 2007. – P. 13.
23. Shishonko, V.N. Perm Chronicle / V.N. Shishonko. – Perm, 1881–1884. – Periods 1–5.
24. Ethnic world on the Kama: a bibliography. – Perm, 2003.